

“от русских я стараюсь держаться подальше”

Сергей Ларин — Газете

Сергей Ларин: «Я даже отказался от постановки оперы «Война и мир» в Парижской опере, которую делала Франческа Замбелло, потому что знал — там будет человек сорок русских певцов. У меня хорошие отношения с Замбелло, но я не смог пересилить себя» Фотограф Никита Рыбаков

Имя Сергея Ларина, одиннадцать лет выступающего в лучших театрах мира, известно на Западе едва ли не больше, чем в России. В Большом театре тенор пел всего дважды — в операх «Тоска» и «Сила судьбы». Выступив в нескольких спектаклях в Большом, Сергей Ларин отказался от приглашения участвовать в премьеры оперы «Турандот». Он открыл сезон в знаменитом Teatro Comunale во Флоренции, исполнив Де Грие в премьеры оперы «Манон Леско» Пуччини. Специально для Газеты интервью у Сергея Ларина взяла Ирина Коткина.

Почетно открывать сезон во Флоренции?
Это почетно всегда и везде, но в Metropolitan и La Scala груз ответственности и ожидания больше. Правда, новый спектакль был приурочен к 80-летию Ренаты Тебальди, которое отпраздновали в Италии, — Манон была одной из любимых ее ролей. Я думаю, что планы театра совпали с празднованием юбилея. Постановка планировалась давно, и я был связан контрактом с Comunale задолго до того, как ко мне обратились из Большого.

Что вы делали после того, как спели «Силу судьбы» в Большом театре?
Готовил партию Де Грие в «Манон» Пуччини и пел ее в Мюнхене в феврале. Весной спел в Хьюстоне «Самсона и Далилу». Самсон — любимая моя роль. Особенно легкой кажется она, когда напеешь Пуччини. Я словно отдохнул после «Манон Леско», которая отняла у меня все силы. Мюнхенская постановка была очень современной по сценографии и по концепции. Спектакль шел без антрактов — два часа напряженного действия. Оно происходило на огромной лестнице от рампы до потолка: двадцать семь высоченных черных ступеней. Надо было бежать вверх-вниз и двигаться на каждой ноте. Тот спектакль публика приняла в штыки, а «Манон» во Флоренции решена в добрых классических традициях.

Какие приглашения вы принимаете, от каких отказываетесь?
Я считаю, что настоящим искусством можно заниматься в любом театре. Это не обязательно должны быть пять лучших сцен мира. В Италии, например, долгое время не было как таковой театральной провинции. Все — и Карузо, и Джильи, и Таманьо, и Руффо — пели в любом театре. В Модене, в Реджио Эмилия, в Ферраре, в Триесте, где угодно. А сейчас, если молодые певцы удачно дебютируют, они должны автоматически тут же попасть в La Scala.

Дело в размере гонораров?
Наоборот, в Италии бывает, что маленькие оперные театры могут заплатить больше. На юге, в Катании например, гонорар может оказаться выше, чем в Covent Garden или Metropolitan. В самых известных театрах не такие уж высокие гонорары, потому что считается, что петь там очень престижно. Директор Венской оперы Йоан Холлендер как-то сказал мне: «Вы ведь понимаете: в Венской опере поют, потому что это Венская опера. Деньги вы зарабатываете в другом месте». Подобной политики до последнего времени придерживался и Большой театр. Я думаю, что в Большом театре происходит наконец запоздалая перестройка. Многие начали изменяться.

Мне показалось, что и вы несколько изменились с момента последнего выступления в Большом. Вас все больше тянет

на драму? Или исполнение Пуччини во Флоренции обязывает проявлять темперамент? В Большом театре вы были более лиричны.

Одно дело вердиевский темперамент, а другое — пуччиниевский. Я считаю, что Верди более академичен. В Пуччини градус страсти несколько иной. Чего я не выношу в исполнении Пуччини, так это избыточного веризма, то есть дешевых воплей, криков. Я действительно, наверное, сейчас ощущаю свой голос более драматическим, чем раньше.

Вы собираетесь петь Отелло?

Да, в этом сезоне весной, в апреле, в Сан-Диего, в Калифорнии. Это проба пера.

Вы считаете, что будете более востребованы, если станете петь больше драматических партий?

Мне, увы, никто не предлагает лирических партий. Вот и все. А я бы с удовольствием их пел. Ленского, например, Вертера. Роль была выучена и отложена. Но сейчас не время лирических певцов, и на то есть объективные причины. Дело не в том, что нет голосов и школа лирического пения претерпела кризис. Просто все хотят больших страстей. Повсюду огромные оркестры, гигантские открытые оркестровые ямы, очень большие оперные театры. А лирические оперы, как правило, имеют камерный характер. Но, к примеру, в Opera de Paris очень гармонично подобран репертуар на все вкусы, идут лирические и драматические оперы, барочные оперы, россиниевские оперы. Меня совсем не смущает, что я пою так много драматических партий. Я жажду новизны во всем, особенно в музыке, поэтому буду расширять свой репертуар. Я думаю, что из русских певцов моего поколения, поющих на Западе, стилистически я самый всеядный. Среди теноров, по крайней мере.

Как началась ваша активная международная карьера? Я знаю, что вы пели в Братиславе, а потом вас пригласили в Венскую Staatsoper на срочную замену в «Евгении Онегине».

Это произошло совершенно случайно, и сразу же, буквально через пару месяцев после моего дебюта в Венской опере, посыпались предложения. Я об этом даже мечтать не мог! Я ворвался, влетел в международную карьеру. Мне же не светило ничего подобного! Я пел в Вильнюсе, окончив Вильнюсскую консерваторию. В СССР же считалось, что настоящее искусство существует только в Москве. Вильнюс, при всем моем уважении к этому городу и его театру, в рамках Советского Союза был оперной провинцией. Большой был очень далек, в Кировский я тоже не дерзал попробоваться. Так что для меня переезд в Братиславу, дебют там в «Пиковой даме» знаменовал самый важный этап моей творческой жизни. Это произошло в 1989 году. Но даже когда я первый год начал работать в Братиславе, для меня географическая близость Вены с ее оперой была понятием абстрактным. Запад был так далеко, за такой глухой стеной, что я в ту сторону даже и не смотрел. Мне всегда хотелось одного — хорошо петь. Мой идеал оперного певца — это синтез голоса, музыкальности, интеллигентности и актерских способностей. А еще важно, конечно, петь с душой.

Вы поздно поступили в консерваторию?

Нет, в двадцать два года. Перед этим я закончил Горьковский иняз. Я знал с третьего курса, что буду поступать в консерваторию. Но я хотел прежде получить первое образование, что и сделал. А потом попал в класс

Виргилиуса Нореики в Вильнюсе. В результате я выучил французский и английский языки, в школе учил немецкий, в консерватории — итальянский, говорю на литовском и словацком. Конечно, это очень помогает в карьере, в освоении новых партий.

График преуспевающего оперного певца обычно очень плотный. Не все могут выдержать бешеный темп. А какой он у вас?

В этом году благодаря необходимости готовиться к дебюту в «Отелло» я буду полтора месяца дома. Но это исключение. Обычно я бываю дома сорок дней в году, остальное время в разъездах. Мне нравится такая жизнь, она необычайно динамична. Я человек жадный до перемены мест, люблю смену пейзажа за окном, люблю приезжать в разные города, даже те, которые знаю как свои пять пальцев. Плюс такой цыганской жизни в том, что совсем нет ощущения рутины. Как в калейдоскопе, все время что-то меняется. Я настолько привык к этому, что для меня даже перестали быть утомительными самолеты и дороги. Только одно — мне не хватает моего дома. Но что поделать? Я недавно перечитал воспоминания Джильи и понял, что не имею права жаловаться на то, что по четыре месяца не бываю дома. У него был период, когда он не был дома два года. Вот только я терпеть не могу гостиницы. Мне нужна иллюзия дома, нужна кухня, возможность сварить кофе. Рестораны — это тоже не для меня. Я предпочту простой кусок хлеба с маслом, но дома.

Вы успеваете общаться с русскими? У вас есть друзья?

От русских я стараюсь держаться подалше, как это ни парадоксально. Друзья у меня есть в любой стране, я общительный человек. Но часто случается, что наши певцы несут с собой на Запад атмосферу коммунальных квартир. Когда я чувствую фальшь, неискренность, зависть, недоброжелательство, я стараюсь ограничить общение. Меня больше всего огорчают сплетни и пересуды. Я даже отказался от постановки оперы «Война и мир» в Парижской опере, которую делала Франческа Замбелло, потому что знал: там будет человек сорок русских певцов. У меня очень хорошие отношения с Замбелло, но я не смог пересилить себя.

Ваше поколение, наверное, имеет более широкий репертуар и возможность свободно выступать в лучших театрах мира. Но ведь вас мало знают в России.

В моем репертуаре около тридцати пяти хитовых партий и, верю, скоро прибавит немало до конца карьеры, которые, надеюсь, наступит нескоро. Да, очень важна для любого артиста любовь, преданность и признание своего зрителя. Но каждый выбирает, что для него главное. Я хочу осуществить полностью. Мечтаю, например, спеть Лозн-грину, и роль во многом готова. Думаю, я реализую эту мечту где-нибудь в Америке. У меня составлено расписание выступлений вплоть до 2007 года. В театрах Америки на меня ставят то, что я хочу петь, если это не Metropolitan Opera, конечно. У меня была пауза в четыре сезона, когда я там не выступал. Но со следующего года буду петь и в Metropolitan почти каждый сезон. Одно могу вам пообещать: семидесятилетним Альфредом в «Травиате» я не выйду. Я буду давать концертные исполнения, буду преподавать. Скорее всего, сначала давать мастер-классы. Но позволить себе это я смогу не раньше пятидесяти лет. Мне еще многое надо обдумать и понять. Я хочу развиваться как музыкант до последнего дня своей карьеры.